

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Ответ г-ну Н. Полевому на его выходку во 2-м номере «Московского телеграфа»

«Не желая иметь никаких сношений с г-м Полевым, я считаю, однако, за нужное ему заметить, что он действует сам против себя: к чему было откликнуться Михеичем? Читатели не ведали, и я даже не знал, точно ли сам издатель «Телеграфа» писал несправедливый и дерзкий отзыв о сочинениях кн. Шаховского?..»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Ответ г-ну Н. Полевому на его
выходку во 2-м номере
«Московского телеграфа»

Не желая иметь никаких сношений с г-м Полевым, я считаю, однако, за нужное ему заметить, что он действует сам против себя: к чему было откликнуться Михеичем? Читатели не ведали, и я даже не знал, точно ли сам издатель «Телеграфа» писал несправедливый и дерзкий отзыв о сочинениях кн. Шаховского? Теперь прошу не гневаться на меня, если это имя утвердится за ним: я был невинною причиною. Г-ну Полевому не нравится перевод «Филоктета» – я горжусь тем; г. Полевому не нравится перевод VIII сатиры Буало – это натурально; там есть следующие стихи:

*Итак, трудись теперь, профессор
мой почтенный,
Копти над книгами, и день и ночь
согбенный;
Пролей на знания людские новый
свет,
Пиши творения высокие, поэт, —
И жди, чтоб мелочей какой-ни-
будь издатель,
Любимцев публики бессовестный
ласкатель,
Который разумеет язык недавно
стал,*

*Подкупленный пером тебя везде
марал!..*

*Конечно, для него довольно и презренья
и проч.[1]*

Многие скажут, для чего я не следую смыслу последнего стиха? Вот мои причины: может быть, г. Полевой хороший человек и хороший гражданин; я охотно этому верю. Будь он дурной писатель – никогда моя рука не поднялась бы против него; но лицо, представляемое им в нашей литературе, не только смешно, но и вредно: как издатель журнала, который прежде имел достоинство, он рассеивает свои кривые толки, несправедливые и пристрастные суждения; следовательно, обличать его в неправде и невежестве, унижать его литературное лицо – есть долг каждого любителя словесности. Надобно признаться, долг скучный и весьма неприятный.

Наконец, издатель «Московского телеграффа» в пример, как я перевожу Буало, приводит два последние стиха VIII[2]. Стихи переведены весьма близко. Там их говорит осел: я не понимаю, для чего повторяет их г. Полевой?

Февраля 26.

Мы видели г. Брянского в некоторых пьесах и считаем за долг сказать свое мнение об игре его. Первым дебютом этого почтенного артиста, в нынешний приезд в Москву, была роль Кадера в известном, весьма остроумном водевиле князя Шаховского «Три дела, или Евфратский пеликан». С тою же искренностью, с которою некогда в Отелло и Езопе отдавали мы преимущество артистам, занимающим сии роли на московской сцене, скажем, что в роли Кадера г. Брянский превзошел г. Щепкина. Вся роль разобрана была с тонкостью и выполнена с искусством; умная и верная игра его доставила истинное удовольствие и самым взыскательным зрителям. Мы заметили, однако, две ошибки, из которых последняя могла произойти от случайности сценической. Во втором действии г. Брянский, говоря о желании угостить детей своего друга, коим некогда был сам угощаем, придал вовсе ненужную силу и чувствительность словам простым, неважным: их надобно было сказать мимоходом; а в третьем действии, когда участие в повести, рассказываемой Каде-

ром, изобличает настоящего вора, слова: «Вор, отдай же украденные алмазы...» были сказаны слабо, не могли смутить преступника и исторгнуть у него признания в вине. Должно было: искусно ослабя окончание предыдущей речи, поразить виновного решительным переходом в совершенную уверенность или сказать вышеприведенные слова с большею силою, нежели они были сказаны г. Брянским. Уступая ему преимущество в целом, у г. Щепкина были, однако, места, в которых его живая чувствительность на сцене производила впечатление сильнейшее на зрителей. Два года не был в Москве г. Брянский, и мы с удовольствием заметили, что голос его сделался мягче, гибче и приятнее: верхние тоны прежде у него были дики и несвободны. Вот как истинные артисты и в зрелых летах не перестают трудиться, обрабатывая свои средства, – пример, достойный подражания!

Нам не случилось видеть г. Брянского в последнее представление «Мизантропа»; по мнению некоторых любителей театра, он всю роль играл ровно, благородно и верно своей методе, но с ощутительным недостатком

вспыльчивости и опрометчивой чувствительности. Мы видели его прежде в этой роле и уверены в справедливости сего мнения. Скажем мимоходом, предоставляя себе при случае поговорить об этом пространнее, что роль Мизантропа (переложение сей пиесы на русские нравы – есть ошибка), по нашему мнению, играется на сценах обеих столиц, даже французскими актерами – неверно. Мольер, вероятно, хотел представить не степенного, важного, благоприличного и *пожилого* человека, но весьма *молодого*, несветского, вспыльчивого до бешенства, опрометчивого и чувствительного до глупости юношу. Он во всей пиесе не мизантроп, а филантроп, и человеконенавистником делается уже после отказа Солимены. Это следствие обстоятельств и поступков его в продолжение пяти действий, а не причина их. Так по крайней мере нам кажется.

С большим любопытством и вниманием смотрели мы на г. Брянского в роли Франца Моора в трагедии «Разбойники». Мы ожидали отличного исполнения и откровенно признаемся – ожидание наше не вполне удовлетво-

рилось. Впрочем, мудрено винить и артиста: роль Франца ужасно обрезана и совершенно искажена; еще прибавим, что судим г. Брянского, как отличного актера, со всевозможною строгостию. Вот какие были недостатки, по нашему мнению: Франц Моор не холодный злодей, а неистовый; бешенство страстей довело его до злодейств неслыханных: зависть к брату, чувственная любовь к Амалии; яркими чертами горит на нем его характер; его ненавидят все; он никого не обманывает; даже и отца, ослабевшего умом от старости, он не убеждает, а принуждает; вот почему в некоторых сценах первых двух действий игра г. Брянского нам показалась не вполне выражающею характер Франца; она была ровна, спокойна, даже благородна; обманы, убеждения, клеветы его – не отвратительны, не возмущали сердца зрителей; не видно было волнения злодея. – Средину и конец последнего действия сыграл г. Брянский отлично хорошо, а началом мы были также не совсем довольны: не робость простачка, а ужас злодея должно представить. Сон был рассказан холодно, даже неискусно: без крика, шепотом

можно рассказать его, но живостию рассказа потрясти сердца зрителей. С сожалением должно сказать, что г. Мочалов роль Карла Моора в это представление играл нехорошо, а к большому сожалению, именно погрешностями исторгал рукоплескания у некоторых зрителей. Первое действие было играно с излишним огнем и разными выходками для райка; второе лучше, в третьем и четвертом он уже не находил в себе чувства и огня и заменял их неуместным криком, усиливая и слабые места; «*мой отец...*» – слова, которые он говаривал неподражаемо, были не слышны, а «*приведите мне его живого*» – сказаны карикатурно, с троекратным повторением последнего слова.

Роль Миллера в трагедии «Коварство и любовь» г. Брянский выполнил с удивительным совершенством. Как разнообразен репертуар этого почтенного артиста и как это выгодно для театра!

Наконец, видели мы г. Брянского и в «Уроке старикам», комедии де Лавиня: он играл Данвиля, а г. Щепкин – Бонара. Это был для нас уже последний опыт искусства и дарова-

ния г. Брянского. Мы внимательно наблюдали игру и решительно скажем, что ему не должно играть характеров пылких, исполненных живой чувствительности. У него нет наружного, сценического огня, и в чувствительных явлениях мимика лица неприятна; он впадает в чтение, в декламацию во всех сильных местах; когда заговорит скоро – орган его сам себя заглушает и произношение становится нечистым. Он все делал, что мог и что должно опытному артисту, но все было холодно и потому не производило впечатления. Г-н Щепкин умел весьма искусно сыграть Бонара и доставил удовольствие скучавшим зрителям, хотя нам кажется игра его не совсем верною: Бонар насмешник добродушный, грубоватый в обращении. Впрочем, средства г. Щепкина едва ли позволяют ему играть эту роль иначе. Но кто позволил ему трепать себя по русскому брюшку? Г-жа Синецкая очень хорошо выполнила роль г-жи Данвиль. Г-н Афанасьев, в котором весьма приметно истинное дарование и даже искусство, играл Валентина однообразно, принужденно и карикатурно. Слабая походка никуда не го-

дилась. Советуем ему держаться простоты, естественности и не внимать ни смеху, ни хлопанию райка.

Водевиль «Молод и стар» весьма забавен, а по разговорному языку едва ли не лучший у нас. Некоторые куплеты очень остроумны, некоторые – натянуты. Водевиль разыгран был превосходно. Г-н Живокини очень хорош, кроме походки: зачем фарсы при такой прекрасной игре? Г-ну Щепкину мы бы советовали не торопиться в пении, лучше говорить последний куплет, не слишком живо выражать некоторые чувства, не потирать руками и проч... и без того понятно все и забавно.

Мая 14.

Примечания

*...приводит два последние стиха VIII сатиры –
имеются в виду стихи: // «Благодарю творца,
что я в числе скотов! // Божусь, что человек
глупее нас, ослов!»*

[^^^]

2

...приводит два последние стиха VIII сатиры –
имеются в виду стихи: // «Благодарю творца,
что я в числе скотов! // Божусь, что человек
глупее нас, ослов!»

[^^^]